ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
15	15 сверху	почкеркивал	подчеркивал
23	5 снизу	кантовским позитивиз-мом	контовским позити-визмом
44	10—11 сверху	«несомненно	«несомненный
57	1 снизу	1901—1902 гг.,	1900—1902 гг.
59	4 "	1908. № 1,	1908, № 12,
123	17 сверху	В расскае	В рассказе
123	19 снизу	к заклюдению	к заключению
132 и 133	1 "	1888 - 1893,	1881—1893,
148	9 "	отмечаток	отпечаток
180	12 сверху	начивают	начинают
184	6 "	работы от ре-	работы от
190	18 снизу	*эпикировку*	*экипировку*

Зак. 630.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени А. А. ЖДАНОВА

Б. Д. ЛЕТОВ

В. Г. КОРОЛЕНКО — РЕДАКТОР

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1961

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Ленинградского университета

В книге освещен более чем тридцатилетний путь В. Г. Короленко как редактора и охарактеризованы творческие принципы, которыми он руководствовался при оценке и подготовке к изданию новых произведений. Написана она на основе анализа редакторских книг писателя, его обширной опубликованной и неопубликованной переписки с авторами, изучения рукописей и других архивных материалов — неповторимых документов высокого редакторского мастерства. Имеющийся в книге материал свидетельствует, какую исключительную роль сыграл Короленко в становлении таланта многих русских писателей, среди которых можно назвать А. М. Горького и С. П. Подъячева.

Книга представляет интерес не только для литературоведов, но и для широкого круга литературных работников — редакторов, писателей и журналистов.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Участие видных писателей-разночинцев в редактировании книг и журналов — характерная особенность нашей литературной истории середины прошлого века. Литературная деятельность Н. А. Некрасова и М. Е. Салтыкова-Щедрина неотделима от их редакторской работы в «Современнике» и «Отечественных записках». Они выступали как организаторы литературного процесса, возглавляли журналы, сотрудников которых связывали не временные или случайные ремесленнические интересы, а «общность воззрений». Некрасов и Салтыков-Щедрин считали необходимым не только передавать молодым литераторам творческий опыт, накопленный писателями старшего поколения, но и приобщать их к передовым идеям своего времени. Это обстоятельство и дает возможность говорить о руководителях «Современника» и «Отечественных записок» как о редакторах нового типа.

В. Г. Короленко приступил к редакторской работе на рубеже 80—90-х годов. Он ставил перед собой ясно осознанную цель: продолжить дело, начатое редакторами революционно-демократических изданий. Непрерывная прогрессивная традиция связывала его не только с прошлым, но и с будущим. А. М. Горький называл себя учеником Короленко. «Он был моим учителем не долго, но он **был** им, и это моя гордость по сей день»,[1] — указывает сам писатель в письме к Е. С. Короленко от 7 октября 1925 г. А. М. Горький воспринял не только важнейшие литературные, но и ре-

[1] А. М. Горький и В. Г. Короленко. Переписка, статьи, высказывания. М., Гослитиздат, 1957, стр. 121.

1912 г., во время пребывания Короленко в Петербурге, Казимир принес ему новую рукопись, на которую писатель не успел ответить. «Мне помнится, что перед отъездом моим из Петербурга в декабре мне принес рукопись Казимир, — писал Короленко Горнфельду. — Обыкновенно я читал его рукописи лично (хороший человек, кажется), — и обыкновенно же возвращал. Этот раз я рукопись отдал записать и, по-видимому, не взял. Кто прочел? И что ему ответили?»[3] Для Короленко был нетерпимым малейший формализм в редакционной работе. Чувство огромной ответственности за литературную и гражданскую судьбу обращавшихся к нему людей всегда руководило его действиями. Здесь следует искать истоки того особого уважения и доверия, которыми он неизменно пользовался в самых широких литературных кругах.

Основная масса произведений принадлежала авторам, имевшим весьма смутное представление о характере литературного труда, и писателю, помимо редактирования, приходилось вести большую воспитательную работу.

А. М. Горький отмечал, что в редакции «Русского богатства» «отлично воспитывали молодежь В. Г. Короленко и А. Горнфельд».[4] Литературовед А. Б. Дерман, в молодости сотрудничавший в журнале, вспоминал, что «в России никогда не было редактора, равного Короленко по глубине и широте внимания, которое он отдавал обращавшимся к нему авторам».[5]

За годы редакторской деятельности у писателя накопилось значительное количество наблюдений, мыслей, выводов, на основе которых строилась его работа с авторами. «Мне приходит в голову мысль, — сообщал он В. Н. Григорьеву, — что если бы кто взялся приводить в систему и делать выборки из всего этого не попадающего в печать материала, — это была бы в высшей степени благодарная и полезная работа».[6]

Именно такую работу собирался осуществить прежде всего сам писатель. В его архиве сохранились многочисленные письма к авторам, оставшимся вне литературы, отзывы о рукописях, редакторские пометки на полях, отражающие замысел будущих статей. Короленко подбирал материалы по темам и отмечал: «Характерно. Оставить к статье. . .», «к статье о самоучках», «о вундеркиндах», «гений!», «писатель из народа».[7] Статьи эти написаны не были. Лишь некоторые мысли писателя нашли отражение в небольшом вступлении к автобиографическому очерку Ив. Горячева «Обманчивые огни».[8]

Однако на основе имеющихся опубликованных и неопубликованных отзывов, писем, редакторских пометок Короленко можно в достаточной мере полно охарактеризовать его точку зрения на задачи редакционной работы с малоподготовленными авторами и те социально-педагогические принципы, на которые он опирался.

В конце прошлого столетия, когда Короленко начал профессионально заниматься редакторским трудом, в русской литературе и журналистике наблюдался приток новых авторов из рабочей и крестьянской среды.

Новый период революционной борьбы, когда основной исторической силой стало «движение самих масс»,[9] ознаменовался небывалой ранее политической и культурной активностью людей «из народа». Поначалу в рукописях, которые приходилось читать Короленко, с наибольшей остротой сказывалась «не художественная работа, а непосредственная боль, которая не дает покоя и требует исхода. . .»[10] Однако в дальнейшем писатель все чаще отмечает у начинающих авторов не только стремление выразить с помощью печатного слова свои горести и чаяния, но и твердое, вполне осознанное намерение профессионально работать в литературе. «Живой и восприимчивый ум, — писал Короленко, — большая, чисто мужицкая энергия, преклонение перед просвещением и его орудием — печатным словом — создают это влечение в тысячах молодых умов, рождают самые светлые надежды и помогают порой преодолеть технические затруднения, связанные с социальным положением, вернее — социальной несправедливостью, исторически созданной монополией просвещения».[11]

Писатель говорит о тяжелых испытаниях, которые ожидают малоподготовленного автора в редакциях газет и журналов, но одновременно отмечает и большой исторический смысл общественного явления. «Ведь по душевной сущности это все-таки те же стремления, которые вывели холмогорского мужика из полярной деревни на вершины умственной жизни страны».[12]

Народническая и либеральная журналистика отозвалась по-своему на стихийный процесс демократизации литературы. Руководители и сотрудники редакций иногда демонстративно помещали в своих изданиях незрелые и случайные произведе-

[3] Письма В. Г. Короленко к А. Г. Горнфельду, стр. 92.
[4] А. М. Горький. О литературе. М., «Советский писатель», 1953, стр. 275.
[5] А. Дерман. Писатели из народа и В. Г. Короленко, стр. 12.
[6] В. Г. Короленко. Избранные письма, т. III, стр. 15—16
[7] Там же. От редакции, стр. 8.

[8] В. Г. Короленко. О литературе, стр. 292—293.
[9] В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 15.
[10] В. Г. Короленко. Избранные письма, т. III, стр. 16.
[11] В. Г. Короленко. О литературе, стр. 292.
[12] Там же.

ния «писателей из народа». «Существует предрассудок,— писал Короленко,— согласно которому многие при суждении о достоинствах литературного произведения прибавляют: „Но ведь это писал ученик третьего, четвертого, пятого класса", Или: „Но это писал крестьянин, почти неграмотный"».[13]

Короленко приветствовал каждый литературный успех начинающих писателей из рабочей или крестьянской среды, но был убежденным противником нарочитого редакционного либерализма при оценке их не всегда удачных произведений. Он решительно расходился с теми литераторами и редакциями журналов, которые не считали возможным применять к произведениям таких авторов обычные критерии литературного мастерства.

Снисходительное поощрение писателей из народа со стороны либеральной интеллигенции — «культурных людей», как говорил в таких случаях Короленко, — противоречило, по его мнению, прежде всего интересам самих «поощряемых» авторов. Он усматривал в действиях журнальных меценатов барское высокомерие и уверенность в том, что литератор крестьянин или рабочий на большее не способен.

Система «снисходительного поощрения» вызывала у многих творчески беспомощных авторов мысль, что дело не в совершенстве или недостатках их рукописей, а в нежелании редакции дать им место на страницах своего журнала. Складывалось убеждение, что без покровительства видного писателя для них закрыт доступ в литературу.

В редакторских книгах и в переписке Короленко остались следы его упорной борьбы с этим ложным убеждением многих начинающих авторов. «Вы говорите, что у меня, наверное, тоже был покровитель. Не было совсем. И вообще — мнение, что в литературе необходимо покровительство, — пустяки»,[14] — писал он в декабре 1916 г. поэту-самоучке Т. Галапуре. Другому молодому автору — З. П. Корево писатель говорит о том, что он работал над своими первыми рассказами и очерками в пересыльной тюрьме, в арестанской барже, в ссылке и «не прибегал ни к кому для посредничества с редакциями».[15] Столь же решительно опровергал Короленко и распространенное мнение, что только его покровительство открыло Горькому путь в литературу. «Он стал писателем благодаря большому таланту», — говорит Короленко в приведенном выше письме к Галапуре.

В журналистских кругах постепенно утверждалось мнение, что для малоподготовленных авторов желательно создавать особые издания. Эта точка зрения была усвоена и некоторыми начинающими литераторами. Один из них, А. Курепин, доказывал Короленко: «Только тогда народ начнет писать сам о своих нуждах, начнет любить и ценить литературу, когда все журналы и газеты... учредят у себя такие отделы или общими силами оборудуют специальное издание, в котором и будут иметь возможность печатать свои произведения авторы, вышедшие из народа».[16]

Особые литературные отделы для печатания «хотя бы и слабых произведений» писатель рассматривал как одну из форм ложного покровительства. «Этим путем ничего исправить невозможно, — отвечал он Курепину.— Плохие произведения от этого хорошими не станут».[17]

Не специальные разделы в газетах или журналах, а вся печать должна быть поставлена на службу трудящимся массам — вот та высокая цель, к которой стремился Короленко. Однако решить эту задачу оказалось под силу только большевистской печати.

Короленко не сомневался, что искусственное обособление начинающих литераторов от передовых сил русской литературы, снижение требований к качеству произведений способно только замедлить процесс демократизации печати. В редакционной переписке он неоднократно высказывал мысль, что поддерживать ради ложного покровительства несбыточные надежды у заведомо слабых авторов — недопустимо. «Человек все пишет, винит редакции, якобы сознательно не допускающие в литературу „писателей из народа" озлобляется»,[18]— отмечал он в одном из писем.

Короленко весьма отрицательно отзывался о практике своего соредактора по журналу А. И. Иванчина-Писарева, поощрявшего бездарного поэта П. М. Кокорина. Руководствуясь «отеческим наставлением» Иванчина-Писарева, Кокорин самостоятельно издал сборник безнадежно слабых стихов— «Песни и думы». «Вредная внимательность»,[19]—коротко оценил писатель действия Иванчина-Писарева. Такого рода практика порождала, по его убеждению, ненужный читателям— «бесплодный» род литературы.[20] «Считаю своей обязанностью высказывать свое мнение прямо, без смягчений»,[21] — часто по-

[13] В. Г. Короленко. О литературе, стр. 606—607.
[14] Там же, стр. 613—614.
[15] В. Г. Короленко. Избранные письма, т. III, стр. 244.
[16] В. Г. Короленко. О литературе, стр. 680.
[17] Там же, стр. 576.
[18] А. Дерман. Писатели из народа и В. Г. Короленко, стр. 74.
[19] В. Г. Короленко. Редакторская книга V. 1910—1912 гг. Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. Отдел рукописей. Архив В. Г. Короленко, п. 22, ед. хр. 1333, л. 23.
[20] В. Г. Короленко. О литературе, стр. 607.
[21] Письма В. Г. Короленко к К. Ф. Афанасьеву. В сб.: «Наши дни», Калинин, 1937, № 3—4, стр. 180.

вторял Короленко. «Трезвая, резкая правда» — лучшее, на что должны рассчитывать авторы слабых произведения со стороны добросовестно относящихся к своему общественному долгу работников редакций, постоянно возвращался он к той же мысли.

В своей редакторской практике писатель неуклонно придерживался этого правила. «Сейчас получил Вашу посылку,— писал он в марте 1913 г. А. Добровольскому. — Рукопись еще не читал, а прочел только письмо (на бланке), в котором Вы пишете, что в случае отказа „бог знает, что над собой сделаете". По этому поводу должен сказать, что никаких других соображений, кроме литературных, редакция применять не вправе. Если рукопись годится, — она принимается; — если нет — возвращается. Ни о каких „снисхождениях" не может быть и речи. Вы прислали уже три рукописи (а может быть, и больше). Все они были далеки от среднего литературного уровня, и возможно,— даже вероятно, что четвертая немногим отличается от прежних. Все, что я могу сделать,— это прочесть ее и дать отзыв. Остальное уже зависит не от меня, а от рукописи».[22]

В переписке с авторами Короленко подчеркивал, что журнал существует прежде всего для читателей и «всякие личные соображения тут недопустимы».[23] Он стремился брать лишь «мерку чисто объективную», и свое отношение к любой поступающей в редакцию журнала рукописи определял в зависимости от ее идейной ценности и художественного качества. «На общее внимание имеет право только то, что его заслуживает само по себе»,[24] — говорил он в письме к Б. Д. Гохбауму и Заку. «Редакция не в праве при оценке рукописи считаться ни с чем иным, кроме литературных ее достоинств».[25] «Рукопись должна говорить сама за себя»,[26]—постоянно заявлял он.

В тех случаях, когда среди массы серых беспомощных рукописей появлялись литературно несовершенные, но отмеченные несомненной одаренностью автора произведения, Короленко не жалел труда для их улучшения. В редакторских книгах писателя часто появлялись пометки: «Не вполне грамотная, но местами очень интересная вещь», «порой недурно», «не лишено относительного таланта» и другие, подобные им. Он считал своей большой редакторской удачей, если обнаруживал способного автора или достойные для опубликования

[22] В. Г. Короленко. Избранные письма, т. III, стр. 218.
[23] В. Г. Короленко. О литературе, стр. 584.
[24] Там же, стр. 607.
[25] В. Г. Короленко. Избранные письма, т. III, стр. 245.
[26] Письма В. Г. Короленко к С. И. Идашкину. ИРЛИ АН СССР. Отдел рукописей (Personalia), р. 1, оп. 13, ед. хр. 6, л. 3.

произведения. Так было на протяжении всего его редакторского пути. В августе 1887 г. он писал А. М. Евреиновой: «Посылаю . . .рукопись „В саду" Н. Ершова. Это очень хороший рассказ из мещанской жизни, написанный не совсем умелой, но видимо талантливой рукой, и, по моему мнению, — обладающий значительными литературными достоинствами. Я рекомендую его поэтому для напечатания».[27] Характер записей не меняется и через три десятилетия. В феврале 1916 г. неизвестный студент принес Короленко «два маленькие, совсем маленькие рассказика». Автором их была Т. В. Фидлер. «Это совсем юное щебетание, но такое хорошее, что, я уверен, Вы не будете иметь ничего против, — писал Короленко А. Г. Горнфельду.— Дарование, по-моему, несомненно».[28] В редакторской книге писатель отзывается еще более определенно: «Написано прекрасно, ярко, остро и талантливо».[29] Рассказ был отредактирован и через несколько месяцев появился в журнале.

Короленко взыскательно правил очерки и повести талантливой девушки «из сибирской глуши»—Н. В. Смирновой. Так же настойчиво работал он над ранними произведениями В. Измайлова, Н. Крашенинникова, Н. Лазарева, П. Булыгина, С. Елеонского, А. Чапыгина и многих других авторов, ставших затем сотрудниками беллетристического отдела журнала или иных изданий.

Глубокой заботой о судьбе простых людей, решивших посвятить себя литературному труду, были проникнуты все редакторские советы писателя. Он предупреждал опрометчивых авторов о великой трудности литературного мастерства и тех высоких требованиях, которые предъявляют к литераторам прогрессивные издательства и читатели. Предостережения Короленко не были беспочвенными. Писатель учитывал то обстоятельство, что лишь незначительная часть из огромного количества рукописей, с которыми ему приходилось иметь дело, появлялась затем в печати. Так, в 1896 г. из 150 прочитанных рукописей пригодными к изданию были признаны лишь 5 произведений, в 1900—1901 гг. почти из 400 рукописей одобренными оказались 30, а в 1902—1903 гг. на такое же количество принятых рукописей приходилось более 950 прочитанных текстов. Это соотношение не меняется и в последующие годы.

Необходимо иметь в виду, что даже принятые рукописи

[27] Письма В. Г. Короленко к А. М. Евреиновой. Указ. публик., стр. 77.
[28] Письма В. Г. Короленко к А. Г. Горнфельду, стр. 129—130.
[29] В. Г. Короленко. Редакторская книга VI. 1912—1921 гг. Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. Отдел рукописей. Архив В. Г. Короленко, п. 22, ед хр. 1334, л. 108.

далеко не всегда появлялись в журнале. Некоторые из их числа иногда оказывались отклоненными другими членами редакции или задержанными цензурой. Количество отвергнутых рукописей было трагически велико, и творческие удачи воспринимались как счастливое исключение. Короленко, как писатель, демократ и гуманист, не мог оставаться равнодушным к участи малоодаренных людей, которым литературный труд приносил лишь неудачи и тяжелые жизненные испытания.

Начинающих авторов, без достаточной надежды на успех пробующих свои силы в литературном труде, он настойчиво убеждал избегать преждевременной профессионализации. «Лучше в смысле заработка стоять на другой, более устойчивой почве, — писал он начинающему прозаику К. В. Афанасьеву,— и перейти к литературе, как к профессии, уже тогда, когда определится ясно возможность этого. Нет ничего ужаснее для начинающего писателя, художника, как необходимость писать не свободно, а под давлением обстоятельств. Горизонт суживается, воображение тупеет, задатки теряются».[30]

В тенденциозной и довольно слабой повести П. О. Беспалова «Младенцы жизни» писатель обнаружил «недурные описания природы», однако руководить его дальнейшей творческой работой отказался. Причиной этого послужила слишком ранняя профессионализация Беспалова. «По-видимому, на автора придется махнуть рукой, — записал Короленко в редакторской книге.— Уже попал в мелкую прессу — и там наверно останется».[31]

Несбыточные надежды на литературный успех нередко приводили бесталанных авторов к тяжелым жизненным испытаниям. Начинающему поэту — автору «сереньких стихов»—Короленко советовал «не ломать из-за стихотворства жизни».[32]

Аргументация писателя менялась в зависимости от индивидуальных свойств начинающих авторов, но общий смысл оставался прежним. Механик-самоучка из Архангельска, автор очень неровных по исполнению стихов, сообщал, что с юных лет он не только увлекался литературой, но и успешно мастерил всевозможные механизмы. Убедившись в слабости стихов архангельского самоучки, Короленко сообщил ему: «...всего бы Вам лучше, если обстоятельства позволяют, поступить куда-нибудь на завод или в мастерскую и не в качестве изобретателя, а просто рабочим. Ознакомившись практически с какой-нибудь отраслью производства, Вы, как человек, по-видимому, способный, могли бы более или менее скоро проявить эти способности».[33]

[30] Письма В. Г. Короленко к Н. В. Афанасьеву. Указ публик., стр. 179.
[31] В. Г. Короленко. Редакторская книга I. 1900—1902 гг., л. 130 об.
[32] В. Г. Короленко. Редакторская книга V. 1910—1912 гг., л. 70.

В своих советах начинающим авторам Короленко часто ссылался на печальный пример писателя-неудачника И. Горячева, всю жизнь гнавшегося за «обманчивыми» литературными огнями. По профессии Горячев был столяром-краснодеревцем, но большую часть своего времени отдавал литературе. За 25 лет упорного труда ему удалось добиться лишь того, что «были напечатаны его два-три рассказца в плохоньких журналах. А всю жизнь себе и семье испортил, забросив свое скромное простое дело».[34]

Переписываться с Горячевым писатель начал с 1902 г. Характер редакторских отзывов остается неизменным в течение ряда лет. По поводу одного из ранних рассказов Горячева о бондаре-художнике «Живописец» Короленко записал в редакторской книге: «Есть искорки (порой сквозит чутье природы), но в общем слабо, малолитературно, порой курьезно («долго живя с гугенотами, сам станешь людоедом»)... Рукопись неудачника».[35]

В следующие два года этот автор прислал Короленко еще несколько очерков и рассказов, о которых писатель отозвался как о незначительных по содержанию. Летом 1909 г. Горячев задумал автобиографическую повесть «В низах». «Неосторожный Вы человек и не хотите слушаться добрых советов,— писал ему Короленко.— Я Вас пытался убеждать, чтобы Вы не запускали своего обычного дела из-за довольно сомнительных и далеко не верных литературных попыток, а Вы опять все забросили, да еще сразу для большого, по-видимому, произведения, когда и из небольших рассказов ни один еще не попал не только в „Р[усское] богатство", но и никуда».[36]

Однако Горячев не оставлял своих настойчивых, но бесплодных попыток. Полузаброшенная столярная мастерская приходила в упадок. «Написал половину — жить буквально нечем», — вспоминал он потом. Пришлось обратиться за помощью к Короленко. Короленко выслал ему денег на восстановление мастерской, прочитал очередную рукопись и признал ее непригодной. «Вовсе не повесть,— отметил он,— а ряд воспоминаний из детства, не особенно интересных. Недурная фигура отца. Возвратить».[37] Писатель обратился к Горячеву с новым предостережением: «Несомненно, что Ваше решение во что бы то ни стало стать беллетристом... — было риско-

[33] А. Дерман. Писатели из народа и В. Г. Короленко, стр. 90.
[34] В. Г. Короленко. О литературе, стр. 612—613.
[35] В. Г. Короленко. Редакторская книга III. 1904—1906 гг., л. 127 об.
[36] В. Г. Короленко. О литературе, стр. 556.
[37] В. Г. Короленко. Редакторская книга IV. 1907—1909 гг., л. 117.

ванно и ошибочно... В Ваши годы и при Ваших условиях литературе можно отдавать разве досуги, твердо стоя на каком-нибудь другом заработке, и только тогда, когда Вы отдадите ей лишь свое свободное настроение, а не будете писать из-за хлеба (весьма сомнительного), может быть, Вы и напишете что-нибудь, что изредка может появиться в печати. На успех значительный (а только при нем можно рассчитывать на литературный заработок, избавляющий от необходимости другой работы) нельзя надеяться».[38]

Положительные отзывы на рукописи были редкими проблесками в жизни Горячева. Ему удалось опубликовать лишь очерк о плотничьей артели «В даль» и рассказ «Гармонист и Евдоха». Затем потянулись сплошные творческие неудачи. В редакторских книгах Короленко сохранились записи об очерках «На чужбину» и «Кошмар», о весьма посредственных рассказах «Будка № 105», «Обморок» и некоторых других произведениях, о которых писатель обычно отзывался: «серо и много надумано».[39] Короленко неизменно убеждал Горячева, что труд писателя не для всякого посилен, и желал ему «избавиться от этого настойчивого стремления». Однако его пожелания не достигали цели. «Хотя Вы мне два раза помогали материально и несколько уж советами, но я... о, я — неисправимый»,— признавался Горячев.[40]

В 1916 г. Горячев задумал автобиографический очерк — своего рода исповедь неудачника. Замысел очерка заинтересовал Короленко. В судьбе Горячева, типичной для многих слабых авторов, писатель видел, «все элементы трагедии, глубокой и печальной». Короленко немедленно обратился к Горячеву с практическим предложением. «На мой взгляд, — писал он, — из Вашей автобиографии-исповеди мог бы выйти не лишенный интереса очерк-предостережение другим с такими же склонностями... было бы, пожалуй, не лишено интереса то, что я Вас предостерегал и как Вы этим возмущались».[41]

Точка зрения Короленко была совершенно отчетлива. Он требовал, чтобы очерк Горячева звучал не как жалоба неудачника на свою судьбу, а воспринимался со стороны своей педагогической нагрузки. Очерк должен был предостерегать опрометчивых авторов от погони за «блуждающими огнями» мнимого успеха и убеждать их не переводить преждевременно «всю жизнь на литературные рельсы».[42] Автобиография Горячева с предисловием Короленко была опубликована в январском номере «Русских записок» за 1917 г.

[38] В. Г. Короленко. О литературе, стр. 560—561.
[39] В. Г. Короленко. Редакторская книга VI. 1912—1921 гг., л. 101.
[40] Письма Ив. Горчакова-Горячева к В. Г. Короленко. ИРЛИ АН СССР. Отдел рукописей. Архив «Русского богатства», ф. 266, оп. 3, ед. хр. 118—119, л. 2.
[41] В. Г. Короленко. Избранные письма, т. III, стр. 252.
[42] Там же.

Творческие искания бесталанных авторов Короленко никогда не отождествлял с чуждой искусству работой графоманов и людей, усматривающих в литературном труде источник доходов или средство для достижения известности.

Накопившиеся у писателя в течение многих лет наблюдения давали ему возможность весьма точно устанавливать в каждом частном случае причины, порождающие такое тяжелое общественное явление, как графомания.

Короленко пришел к выводу, что наиболее пагубно отражается на творческих возможностях начинающих авторов торопливая и небрежная работа над рукописями. Начинающий литератор никогда не сможет создать ничего хорошего, если у него сложилась привычка писать много, но «поверхностно, невдумчиво и плохо», — указывал Короленко. Он отмечал далее, что порой даже видно — способность к литературному труду была, однако она «уже погибла и превратилась в безоглядную графоманию».[43]

«Вы пишете рассказ за рассказом, и я боюсь, что этим Вы себе только вредите...»[44] — высказал он свое мнение В. И. Девяткову, присылавшему в редакцию журнала множество рукописей, из которых ни одна не появилась в печати.

Характерен ответ Короленко начинающей писательнице Е. Костромской. Ее рассказ представлял собой образец именно такого бездумного, сумбурного творчества графомана. «Так работать нельзя, — убеждает ее Короленко. — У вас все торопливо, лихорадочно и спешно — начиная с почерка... Очевидно, Вы написали это сразу, не дали себе труда ни перечитать, ни вдуматься, ни исправить, как будто не оглядываясь летели прямо к какой-то цели. Это нехорошо и, повторяю, так работать нельзя. Нужно самообладание и сдержанность, нужна работа над собой и над своим произведением. Неужели у Вас нет настолько любви к своим детищам, чтобы прибрать их, выпуская в люди? Я пишу уже много лет, но я никогда не дал бы никому прочесть свою рукопись в таком виде — просто даже из сожаления к своему рассказу. А Вы не потрудились даже отделить как следует разговоры, разбить рассказ на периоды, как это делается в печати. Эта спешная безоглядность отражается и на самой работе. Что-то намечено, но не додумано, не додержано, не дорисовано... В таком виде рассказ печатать нельзя...»[45]

Короленко установил своеобразную психологическую ти-

[43] В. Г. Короленко. О литературе, стр. 606.
[44] Там же, стр. 540.
[45] Там же, стр. 516.

пологию авторов, с огромным упорством растрачивающих свои силы на создание заведомо безнадежных произведений.

По наблюдениям писателя, обширную группу составляли люди, пишущие чуть ли не с детских лет. Графомания стала их уделом главным образом из-за того, что они приобщились к творческому труду слишком рано, еще до того, как у них сложились элементарные литературные навыки и окреп художественный вкус. Многие рукописи, поступавшие в редакцию журнала, сопровождались фразой: «Я страстно предан литературе». «Пишу стихи (или рассказы, или — реже — статьи) с восьми, девяти, двенадцати, тринадцати, шестнадцати лет, и многие их хвалят». Подобные пояснения часто прилагались к текстам наиболее слабых произведений. «Встретив такую фразу, — сообщает Короленко, — я всегда или почти всегда считаю рукопись безнадежной».[46]

Другую весьма распространенную группу составляли лица с «ложным призванием», обычно ссылавшиеся на свое «инстинктивное стремление к писательству». Таким автором был, в частности, поэт-самоучка Т. Н. Галапура. По поводу его примитивных стихов о войне Короленко писал: «...таланта нет, нет образов, стих слаб и однообразен». В своих письмах к Короленко Галапура ссылается даже на «голос свыше», который повелевает ему творить! «Очень типичное душевное состояние ложного призвания»,[47] — пришел к заключению писатель.

Наиболее законченное выражение графомании Короленко усматривал в тех случаях, когда лишенные каких-либо признаков дарования авторы проникались уверенностью в своей гениальности. «Я начинающий поэт и чувствую в себе несомненный талант»,[48] — заявил Короленко один из мнимых гениев — Р. Животовский.

Провинциальный учитель Нечаевич, автор двух в высшей степени нелепых рассказов («В ночь на Украине» и «Смерть в награду»), доказывал, что если дать ему «развиться в правилах писательских и постигнуть знаки (препинания, конечно), которые, я надеюсь, скоро усвою, то я вам всю литературу пересоздам, создам новую педагогию и разъясню более, чем мне сколько случалось, самый смысл и значение существования нашего...»[49]

Мало чем отличалось от признаний Нечаевича и письмо другого графомана — Н. Файнберга. «В моих стихах хромает и здравый смысл и грамматика, — писал он, — а между тем во

[46] В. Г. Короленко. О литературе, стр. 606.
[47] Там же, стр. 685.
[48] В. Г. Короленко. Редакторская книга V. 1910—1912 гг., л. 69.
[49] В. Г. Короленко. Полн. посмерт. собр. соч., т. LI, стр. 68.

мне два Мопассана... Если бы я получил возможность рассказать то, что я знаю, я создал бы такие вещи, от которых все ахнули бы от изумления... Погодите, скоро сами убедитесь, что совершенно не поняли меня... Нет оснований сомневаться в моем литературном таланте».[50]

Творческое самомнение мешало таким лицам трезво оценить свой труд и обычно сочеталось с полным нежеланием принимать критику, как бы серьезна и обоснована она ни была. Один из начинающих авторов, рукопись которого Короленко отклонил как исключительно слабую, писал ему: «Я не требую немедленного утверждения за собой таланта. Если он есть, то проявится в десятом — двадцатом произведении в полном объеме, через несколько лет привычной работы, когда автор пишет смело, уверенно, зная, что все, что он напишет, будет принято и оплачено».[51]

Творческая беспомощность и неуступчивость нередко усугублялись воинствующим невежеством. В таком случае Короленко делал все возможное, чтобы приостановить дальнейшие литературные занятия автора. Характерна его переписка с М. К. Соловьевым, человеком исключительно настойчивым и ограниченным. Этот автор пробовал свои силы в разных жанрах: переходил от плохих стихов к безграмотной прозе и даже пытался писать публицистические статьи. «Вы напрасно думаете, что проповедь общественного переустройства легче, чем писание стихов»,[52] — убеждал его Короленко. Рассуждения Соловьева о «кооперации» и крепостном праве свидетельствовали об отсутствии у него элементарных знаний.

Соловьев с возмущением отвергал обычные в таком случае советы расширить свой кругозор. Он усматривал в них лишь скрытую попытку заставить его «убивать время непроизводительно».[53] Короленко пытался доказать своему корреспонденту, что безответственное отношение к литературному труду в сочетании с самоуверенным невежеством и является той истинной причиной, которая вынуждает его тратить время и силы «непроизводительно».

Все отрицательные свойства примитивного литературного дилетантизма с необычайной рельефностью проявились в творчестве некой «г-жи Монгирд», писавшей под псевдонимом Сергей Ромиас. В конце 90-х годов Короленко была получена первая рукопись этой писательницы — «Деревня нашего времени». В. А. Монгирд ставила перед собой задачу всесторонне осветить жизнь русской деревни, но осуществила

[50] В. Г. Короленко. Редакторская книга VI. 1912—1921 гг., л. 174.
[51] А. Дерман. Писатели из народа и В. Г. Короленко, стр. 155.
[52] В. Г. Короленко. О литературе, стр. 530.
[53] В. Г. Короленко. Редакторская книга I. 1901—1902 гг., л. 67.

свой многообещающий замысел крайне нелепо и совершенно антихудожественно. Короленко не принял рукопись и сообщил, что нравы крестьян «описаны чертами поразительно ужасными, а доверия к изображению нет, хотя, по-видимому, все записано с натуры».[54]

Монгирд не согласилась с оценкой писателя и выпустила повесть на свои собственные средства отдельным изданием. В январе 1898 г. в отделе критики и библиографии «Русского богатства» появилась уничтожающая рецензия на эту книгу. Рецензент подчеркивал сумбурность авторского замысла и противоречивую разработку темы. «„Деревня нашего времени" оказывается поселком в 12 дворов, расположенным в неизвестном уезде неизвестной губернии»,[55] — иронически пишет Короленко. Свои суждения он подкрепляет характерными выдержками из повести: «Сами жители говорят, что лежит Сосновка ни у чего. Через нее ни проезда, ни прохода. Дороги, куда-нибудь ведущие, как-то отстранились от нее». Писатель развертывает пародийную характеристику среды, в которой протекает действие повести. «В ней две трети жителей придерживаются какого-то неизвестного старообрядческого толка и, кроме того, по неизвестной причине, женщины резко превышают численностью мужчин».[56]

Главные действующие лица повести — интеллигенты муж и жена Королевы. Для того чтобы вести свои «обобщающие» наблюдения над деревней «нашего времени», супруги Королевы три лета проводят в лежащей «ни у чего» деревушке. Каковы же эти наблюдения?—ставит вопрос рецензент. Здесь нет и намека на какие-либо социальные или жизненные проблемы, волновавшие русских крестьян в конце прошлого столетия. Все вертится вокруг «одной постине золотой „бабушки", которая, страдая бессонницей, поставила задачей своей жизни наблюдать за всеми законными и незаконными парами в Сосновке... Относительно первых она заботилась всемерно, дабы они „соблюдали закон" возможно чаще, за вторыми же зорко следила, чтобы они никоим образом не совершали „внезаконных" действий. Но так как число женщин в деревне было больше, чем число мужчин, то, „глядишь, — водворила всех на места... как снова царит полное беззаконие"».[57]

Такие «бабушкины наблюдения» с задворков были рассыпаны по всему тексту, к ним, по сути дела, и сводилось убогое

[54] В. Г. Короленко. Редакторская книга 1888—1897 гг. Госуд. б-ка СССР им. В. И. Ленина. Отдел рукописей. Архив В. Г. Короленко, п. 21, ед. хр. 1328, л. 13.
[55] «Русское богатство», 1898, № 1, отд. «Новые книги», стр. 45.
[56] Там же, стр. 46.
[57] Там же, стр. 47.

содержание повести. Изобразительные средства автора были столь же примитивны, что и содержание. Все это заставило Короленко заявить о полной литературной несостоятельности книги. «Так-то, — пишет он, — Г. Ромиас поведал миру самым дубовым стилем, с периодами, удручающими, как трудные роды, о совместных наблюдениях г-жи Королевой и золотой бабушки... и вышла „деревня нашего времени"».[58]

Редакторский отзыв Короленко и суровая рецензия в журнале не произвели на автора книги отрезвляющего действия. Через несколько лет писатель снова столкнулся с Монгирд. Осенью 1908 г. в письме к И. П. Белоконскому Короленко с удивлением говорит о бурной «литературной деятельности», которую развернула она за это время. «С тех пор я ее совершенно потерял из виду. Оказывается, она нажарила десять томов и обвиняет всю литературу (меня, в частности) в плагиате из ее гениального произведения. И все-таки при чтении некоторых страниц ее становится прямо жалко... И мужа нашла себе под пару: тратит последние деньги на издание этой макулатуры».[59]

В 10 томе сочинений Монгирд были помещены ее воспоминания и размышления под весьма многозначительным заголовком: «Моей Родине». По словам Короленко, это произведение представляло собой «настоящую апелляцию писательницы к обществу на прессу... за то, что журналы не желают печатать ее произведений...»[60]

В последней книге Монгирд характерные признаки графомании приобрели сгущенное — гиперболическое выражение. Без тени сомнения она объявляла читателям, что по своим творческим заслугам стоит «неизмеримо выше многих и многих писателей, выше и Достоевского».[61] Справедливость требует признать ее единственно «истинным» писателем в России... От самовосхвалений Монгирд с легкостью переходит к безудержной мнительности. Она обвиняет писателей-современников Д. Н. Мамина-Сибиряка, В. Г. Короленко, М. Горького, многих «составителей пьес» и даже полностью редакций газет и журналов в «мародерстве», в сознательном расхищении тем и образов из ее «литературных трудов». С искренним убеждением Монгирд восклицает: «Я с вами ни с кем в соглашение не входила, дозволения на мародерство не давала».[62]

[58] «Русское богатство», 1898, № 1, отд. «Новые книги», стр. 48.
[59] Письма В. Г. Короленко к И. П. Белоконскому, стр. 56.
[60] «Русское богатство», 1908. № 1, отд. «Новые книги», стр. 171.
[61] В. А. Карпова-Монгирд. Моей Родине (10-й том произведений), 1908, стр. 178.
[62] Там же, стр. 384.

Уверенность в своей литературной непогрешимости заставляла Монгирд нетерпимо относиться даже к самым сдержанным критическим высказываниям. В любых замечаниях она усматривала лишь проявления злобы и недоброжелательства. Подозрительность натолкнула ее на дикую мысль, что критики замалчивают или ругают ее произведения не случайно. Они, несомненно, вступили в сговор с писателями, чтобы облегчить им возможность «черпать» из ее трудов все, что нужно...

Короленко не мог равнодушно пройти мимо проявлений воинствующего графоманства. Он рассматривал новое выступление Монгирд не только как литературно недопустимое, но и общественно опасное. Автор «апелляции» внушал начинающим литераторам мысль, что дело не в слабости их произведений, а в крайней нетерпимости передовых писателей, критики и журналов. Было необходимо поставить все на свое место. В декабрьской книжке «Русского богатства» появилась без подписи автора вторая рецензия Короленко на произведения Монгирд. Писатель не намеревался опровергать бредовые измышления, заполнявшие книгу. Он лишь процитировал наиболее характерные места из рассуждений Монгирд о литературном «мародерстве» и с едва заметной иронией добавил: «Примеров определенных позаимствований г-жа Монгирд... не приводит». Все это в ее книге заменяет «глубокое убеждение».[63] Далее уже более резко писатель говорит о гражданской недобросовестности излишне плодовитого автора. «Положение выходит довольно своеобразное: вся пресса и отдельные писатели привлекаются к нравственной и материальной ответственности за то, что г-жа Монгирд, — в свою очередь без всякого с ними соглашения,— издала десять томов своих сочинений, которых публика не покупает».[64]

Однако основная задача, которую решал Короленко при рецензировании, была не изобличительная, а общественно-педагогическая. Он пытался выявить в действиях и навязчивых литературных стремлениях Монгирд ущербные черты, отголосок того душевного состояния, которое порождает графоманию. Многочисленные творческие неудачи Монгирд писатель рассматривал в свете своей прежней оценки, которую он дал еще в рецензии на «Деревню нашего времени». Короленко пишет, что, если он имел в виду «предостеречь г-жу Монгирд-Ромиас от дальнейших попыток этого рода, для коих, по его мнению, у нее не было данных, — то расчет оказался ошибочным...»[65] Бездарная писательница прошла свой горестный путь до конца.

[63] «Русское богатство», 1908, № 12. «Новые книги», стр. 172.
[64] Там же.

Обращает на себя внимание сдержанный тон Короленко. Он рассматривает творения Монгирд не как литературное, а как особое психологическое явление, с которым постоянно приходится сталкиваться работникам печати. «Право, рука не подымается для насмешек при чтении некоторых личных признаний г-жи Монгирд, — пишет он в заключение. — В ее книге чертами если не художественными, то все же довольно яркими в качестве „человеческого документа", изображается целая трагедия непризнанности».[66]

Наблюдения над деятельностью Монгирд и других, подобных ей литераторов, заставили Короленко прийти к выводу, что творческие возможности начинающих авторов в значительной мере зависят от их способности воспринимать обоснованную критику и самим строго оценивать свою работу. «Дарование прежде всего скажется стремлением к улучшению, к совершенству и — умением улучшать»,[67] — настойчиво отмечал он в письмах к людям, пробующим свои силы в литературном труде. Автору еще не сложившегося до конца рассказа Короленко ободряюще писал: «Вы сами сознаете его недостатки, значит сумеете их изгладить».[68]

Творческая взыскательность — спутница таланта — находится в вечном противоречии с торопливым и бесформенным «многописанием». Короленко доказывал, что «если относишься к своей работе с известной строгостью, то „тысячей стихотворений, сотен поэм" пожалуй не напишешь».[69]

Редакционная переписка писателя свидетельствует, что готовность к большому труду, стремление беспрестанно совершенствовать свои рукописи он находил у сравнительно небольшого числа авторов. Тем более охотно он приходил на помощь тем людям, которые сосредоточивали свои усилия не на преодолении сопротивления редакций, а на последовательном улучшении текста. «В третий раз! Я уже читал, делал отметки, возвращал, — отзывается Короленко о рассказе Л. Е. Медяника «Собеседование». — Автор тоже настойчиво исправлял и посылал опять. На этот раз я еще раз поправил и — принял».[70]

Литературное мастерство несовместимо с творческой самоуверенностью. Постоянно выражал недовольство своими

[65] «Русское богатство», 1908, № 12. «Новые книги», стр. 171.
[66] Там же, стр. 172.
[67] В. Г. Короленко. Избранные письма, т. III, стр. 248.
[68] В. Г. Короленко. О литературе, стр. 467.
[69] В. Г. Короленко. Избранные письма, т. III, стр. 196.
[70] В. Г. Короленко. Редакторская книга V. 1910—1912 гг., л. 63.

безусловно талантливыми произведениями С. П. Подъячев. Чем больше дельных критических замечаний — «тем лучше для автора»,[71] — делился с Короленко своими мыслями С. Н. Миловский-Елеонский. «Двукратная неудача огорчает меня, но не обижает, — вторит ему Н. Ф. Олигер. — Мнение Вашей редакции всегда искренно, а на искренний отзыв может обидеться только кретин».[72]

Короленко решительно отклонял слабые или бездарные произведения, но далеко не всегда находил возможным категорически судить о творческих возможностях авторов, если только они не являлись безнадежными графоманами. Он учитывал, что здесь большую роль играют причины, часто не связанные с профессиональной проницательностью редактора. «Нередко случается, — доказывал он, — что автор, описывая тот или другой мотив из личного опыта, — находит и теплоту и краски, которых у него, может, и не хватит для других предметов, для объективных тем. И наоборот, — иногда неудачный выбор первого сюжета портит неуверенные еще шаги действительного таланта».[73]

Так, в частности, обстояло дело с повестью В. Розендорфа «Цыган и пан», к которой Короленко не сразу смог определить свое отношение. «Простите продолжит[ельное] молчание о «Цыгане», — писал Короленко Д. Н. Овсянико-Куликовскому. — Бывают такие несчастные рукописи: о десятках других составишь себе представление сразу, а об этой суждение не складывается, да и только... Я вообще довольно аккуратен, но в моей редакторской практике (да, думаю, у всякого) встречалось несколько таких случаев, — вроде „избирательной слепоты"».[74] Позже писатель пришел к положительному заключению и повесть Розендорфа появилась в январской книжке «Русского богатства» за 1900 г.

В немногих случаях, когда ошибка все же оказывалась допущенной, Короленко считал своей прямой обязанностью немедленно ее исправить. При оценке повести С. П. Подъячева «По этапу» он сделал вывод, что в новом произведении молодого писателя повторяются мотивы, уже известные читателям по более ранним его очеркам — «Мытарства». — «Та же толпа и теми же словами».[75] Вскоре Короленко убедился, что рукопись не столь уж неудачна, и поспешил внести ясность в

[71] Архив Сементковского. ИРЛИ АН СССР. Отдел рукописей, ф. 446. ед. хр. 169, л. 1.
[72] Архив журн. «Русское богатство». ИРЛИ АН СССР. Отдел рукописей, ф. 266, оп. 3, ед. хр. 50, л. 1.
[73] В. Г. Короленко. Собр. соч., в 10-ти т. Т. 10, стр. 119—120.
[74] В. Г. Короленко. Письма. 1888—1921. Пб., Изд. «Время», 1922, стр. 101—102.
[75] В. Г. Короленко. Избранные письма, т. III, стр. 162.

свою окончательную оценку. В редакторской книге имеется пометка: «Неверное впечатление: я написал автору, чтобы прислал опять, устранив повторения».[76]

Стремление установить истину при оценке рукописи всегда являлось для писателя важнейшим условием успешного редактирования. Чтобы ослабить возможность субъективных ошибок, он прибегал к жесткому самоконтролю. «Когда приходится читать рукопись во второй раз, то трудно отрешиться от первоначальных впечатлений и нужно от них несколько отодвинуться»,[77] — утверждал Короленко. Если была возможность, он откладывал рукопись, чтобы первоначальные впечатления сгладились, если же решать вопрос приходилось немедленно, обращался за советом к другим членам редакции и критически сопоставлял свою точку зрения с их мнениями.

Судить «на основании первых произведений» о наличии или отсутствии таланта не всегда возможно, — приходит к выводу Короленко. К оценке заинтересовавшего его рассказа М. М. Галина «Контора», герой которого от унылой и бесцельной работы сходит с ума, он добавил: «Автору написано... если есть еще что-нибудь, пусть пришлет. Опред[еленное] заключ[ение] по одному набр[оску] сделать трудно, но есть черты живые».[78]

Даже при наличии у начинающего писателя литературных способностей важно еще то, насколько эти способности могут в дальнейшем «развиться, углубиться, расшириться».[79] При решении этой литературно-воспитательной задачи роль писателя-консультанта, руководителя молодых авторов, была весьма значительна. Чтобы избежать ошибок в творческих советах, Короленко широко пользовался таким подсобным средством, как редакторские книги.

Систематические записи о работе с авторами Короленко начал вести еще в «Северном вестнике» в 1888 г. После сравнительно небольшого числа заметок он продолжил свою раннюю редакторскую книгу уже в «Русском богатстве» в 1896—1897 гг. Первоначально в записях содержались лишь основные сведения о рукописи, об авторе и краткая оценка текста: «плохо», «наивно», «растянуто» и проч. Редко мелькал отзыв, напоминающий краткую рецензию. Решительно меняется ха-

[76] В. Г. Короленко. Избранные письма, т. III, стр. 162.
[77] Письмо В. Г. Короленко к Д. Айзману. ИРЛИ АН СССР. Отдел рукописей, ф. 520, оп. 106, л. 1.
[78] В. Г. Короленко. Редакторская книга II. 1903—1904 гг. Гос. б-ка им. В. И. Ленина. Отдел рукописей. Архив В. Г. Короленко, п. 22, ед. хр. 1330, л. 40.
[79] В. Г. Короленко. О литературе, стр. 541.

рактер записей в начале 1900 годов, когда на страницах редакторских книг появляются более обстоятельные критические суждения.

Первая книга открывается записями, датированными сентябрем 1900 г. и заканчивается декабрем 1902 г. Последующие пять книг охватывают большой промежуток времени — с начала 1903 г. по август 1921 г. Помимо указания имени автора и названия произведения, Короленко делал отметку о времени поступления рукописи и сроке ответа. Далее обычно следовало конспективное изложение содержания произведения и немногословная критическая оценка, в дополнение к которой иногда еще приводились выдержки из наиболее характерных мест рукописи. Записи завершались выводом о пригодности или непригодности текста к изданию и лаконичными советами автору.

Когда Короленко только еще начинал свою работу в отделе беллетристики «Северного вестника», он писал А. М. Евреиновой: «...важно знать, с кем имеешь дело (может случиться, что одно и то же лицо пришлет другую рукопись. Всегда лучше встретиться как с знакомым)».[80] В дальнейшем писатель стал обращаться к редакторским книгам не только ради этой цели, но и для более планомерного руководства профессиональной подготовкой авторов.

Следить за развитием способностей начинающих литераторов, давать необходимые творческие советы можно было лишь при условии строжайшего учета всего, что уже говорилось об их произведениях ранее. С этой целью к шести редакторским книгам, заполнявшимся в хронологической последовательности, были составлены алфавитные указатели имен. Это давало возможность писателю быстро восстанавливать все, что когда-либо ранее сообщалось автору. Короленко мог писать не изолированный отзыв, а сопоставлять рецензируемую рукопись со всей предшествующей работой литератора.

Вот несколько характерных штрихов из его редакторских книг. Одну из ранних рукописей начинающего писателя Н. С. Кобелева «Исповедь» он оценил, как слабую и серую — «неинтересный рассказ о неинтересной личности».[81] Следующую рукопись Кобелева «Тяжелый поступок» писатель оценивает уже по-иному. «Грубовато и придумано, но значит[ельно] лучше предыдущего».[82] Рассказ того же автора «Юродивый», присланный примерно через год, был, по мнению Короленко, «лучше прежних, но все-таки еще незначит[ельно] и немного местами наивно». Но он уже нашел возможным реко-

80 Письма В. Г. Короленко к А. М. Евреиновой. Указ. публик., стр. 66.
81 В. Г. Короленко. Редакторская книга I. 1900—1902 гг., л. 46.
82 Там же, л. 52.

Страница из Редакторской книги IV. 1907—1909 гг.

мендовать рукопись для издававшегося В. А. Поссе «Журнала для всех».[83]

Подобное же положение было и с рукописями требовательного к себе и трудолюбивого автора Н. А. Крашенинникова. В течение нескольких лет он присылал в редакцию большое количество почти безнадежных произведений. Постепенно писатель начал отмечать положительные изменения в работе этого человека. «Немного лучше», — говорит Короленко о рассказе Крашенинникова «Без любви», но все же отклоняет его. В следующем рассказе Крашенинникова «Тишайший» писатель отмечает окрепшие литературные навыки автора и заметные сатирические нотки в содержании. В рассказе шла речь об унизительном положении девушки в доме у отвратительного старого генерала и лицемерном отношении к ней «тишайшего» управляющего. «Для журнала незначительно, скорее фельетон (на бытовую тему, — *Б. Л.*) для газеты»,[84] — приходит к заключению Короленко. О рукописи «Раба» он говорит: «Вещь совсем уже литературная».[85] И, наконец, рассказ Крашенинникова «Капитан Степанов 2-й» Короленко оценивает как произведение, пригодное для опубликования. «Капитан Степанов возвращается с войны и у него развивается душевная болезнь... Написано гладко и добронамеренно, но я отослал на решение Якубовича».[86] В мае 1905 г. рассказ был напечатан в журнале.

Когда по истечении значительного времени автор не достигал заметных успехов, Короленко приходил к твердому выводу о бесплодности его дальнейших литературных попыток. Такие заключения не редко встречаются на страницах редакторских книг. «Тяжелая обязанность сказать правду: худож[ественного] дарования нет, — отзывается писатель о трудах П. Иванова-Костикова, с несколькими рассказами которого ему пришлось ознакомиться. — Совет: найти доступную работу. Если писать, то на досуге... маленькие карт[инки] с натуры (вероятно, и это не удастся)».[87]

Короленко пытался выявить причины столь частых неудач начинающих авторов. Основное препятствие он видел в мнимой доступности литературного труда. Если в музыке, живописи, ваянии для всякого неискушенного человека ясны технические трудности мастерства, то в литературе таких зримых препятствий нет. Литературная техника не менее сложна, чем в других областях искусств, но она скрыта от дилетантов —

---

[83] В. Г. Короленко. Редакторская книга I. 1900—1902 гг., л. 126.
[84] Там же, л. 148.
[85] Там же, стр. 157.
[86] В. Г. Короленко. Редакторская книга III. 1904—1906 гг., л. 69.
[87] В. Г. Короленко. Редакторская книга VI. 1912—1921 гг., л. 75.

«менее бросается в глаза», — как говорил в свое время И. С. Тургенев, и вызывает обманчивое представление о простоте и доступности.

В марте 1913 г. крестьянин И. Ф. Чепурин, человек, много путешествовавший и лично знавший Л. Н. Толстого, прислал рукопись, в которой рассказывал о своих встречах с великим писателем. Короленко устранил в рукописи многословие, исправил стиль, изложение и подготовил ее к набору. Однако неумелый, но весьма строптивый автор отверг даже самые необходимые поправки писателя. Короленко пришлось вернуть рукопись, как непригодную в первоначальном ее виде к изданию. В письме к Чепурину Короленко, с оттенком сдержанного раздражения, говорит о недопустимом пренебрежении автора к профессиональным навыкам и требованиям: «Не могу никак согласиться с Вашим взглядом на литературу. Если бы я, напр[имер], явился в мастерскую, где готовят мебель, то у меня спросили бы, умею ли я обращаться с рубанком, топором и стамеской... Почему же Вы думаете, что в литературе может быть мастером всякий желающий, независимо от того, владеет ли он литературным изложением, как орудием мысли? И в столярном мастерстве есть люди с бо́льшими способностями к этому делу и есть люди со способностями меньшими. А если иного человека начать учить этому ремеслу уже под старость, то можно сказать наверное, что он даже с средним работником уже не сравняется. Литература — работа особенно тонкая; в ней и природные способности именно к этой работе и подготовка играют еще бо́льшую роль».[88]

По словам Короленко, даже самая яркая литературная одаренность не дает оснований молодым писателям считать, что путь в литературу для них уже открыт. Без изучения законов художественного мастерства, подчеркивал он, достигнуть серьезного успеха в творческой работе невозможно. Горький в воспоминаниях писал: «Короленко первый сказал мне веские человечьи слова о значении формы, о красоте фразы, я был удивлен простой, понятной правдой этих слов и, слушая его, жутко почувствовал, что писательство — не легкое дело».[89] Большинство начинающих авторов терпело поражение именно при столкновении с неуловимыми для них законами словесного мастерства.

Короленко советовал авторам не спешить пробиваться в печать, а посвятить возможно больше времени на приобретение необходимых для литературного труда знаний. «Талант

[88] В. Г. Короленко. О литературе, стр. 583.

[89] А. М. Горький и В. Г. Короленко. Переписка, статьи, высказывания, стр. 144.

есть редкий дар природы, — убеждал он начинающего поэта. — Образование может доставить возможность все-таки писать и даже печатать, хотя и бесталанно».[90]

Писатель намечает три постепенно усложняющиеся стадии в развитии профессиональных навыков у начинающего литератора: прежде всего он должен уметь грамматически правильно строить свою речь, затем — выработать индивидуальный слог и, наконец, — «овладеть художественной формой — картиной, образом».[91] Первая ступень — простейшая; она является обязательной для каждого культурного человека. О профессиональной подготовке можно говорить лишь с того момента, когда автор начинает вырабатывать свой особенный стиль, подчиненный общим нормам литературного языка, и овладевает искусством образного отражения действительности.

Молодые авторы часто обращались к писателю с просьбой указать, «какие темы жизненные и как их обрабатывать».[92] Короленко настойчиво рассеивал заблуждение таких авторов, наивно полагавших, что тайна писательского искусства заключена не в обширных знаниях и разнообразных профессиональных навыках, а в некоем литературном секрете, разгадав который можно без особых затруднений стать писателем. «Задача, которую Вы мне задаете, — отвечал Короленко Л. А. Парийскому, — едва ли исполнима: нельзя человеку указать, „что писать и как писать". Можно лишь указать ошибки и дать советы по поводу уже написанного».[93]

Такие советы писатель безотказно давал всем нуждающимся в них молодым прозаикам и поэтам. Он не только отмечал серьезные ошибки, допущенные в рукописи, но и указывал направление, в котором следует искать решение осознанной автором творческой задачи. В ответ на просьбу о помощи молодого литератора Ф. М. Чеботарева, рассказ которого он отклонил, Короленко писал: «Продолжать ли Вам — не знаю, это можете решить только Вы, но если продолжать, то нужно брать темы поменьше, относиться к ним проще, не брать широких рамок, потому что с ними Вы, очевидно, еще не справитесь».[94]

Советы Короленко были конкретны, но далеки от мелочной литературной опеки. Он всегда стремился оставить авторам простор для самостоятельных творческих поисков и достижений. Здесь мы подходим к весьма важному для писателя

[90] В. Г. Короленко. О литературе, стр. 613.

[91] Там же, стр. 540.

[92] В. Г. Короленко. Редакторская книга III. 1904—1906 гг., л. 78.

[93] В. Г. Короленко. О литературе, стр. 569.

[94] Там же, стр. 513.

вопросу о пределах вмешательства редактора в творческую работу автора и допустимой литературной правке.

Весной 1887 г. между Короленко и А. М. Евреиновой завязалась переписка по поводу хорошего по замыслу, но неумело выполненного рассказа М. К. «Дневник провинциальной барышни». Рукопись привлекла внимание писателя своей «правдивостью». Короленко отмечал, что М. К., видимо, внесла в повествование много лично пережитого, поэтому «в ее рассказе проблескивает искреннее теплое чувство, и отдельные эпизоды приобретают даже яркость и силу».[95] К огорчению редактора, рукопись оказалась написанной неровно, наряду с запоминающимися страницами встречались описания и эпизоды бледные, лишенные впечатляющей силы. Это обстоятельство и заставило Короленко затронуть вопрос о возможных редакционных поправках. «В какой степени я имею право переделывать и сокращать авторские рукописи? — обратился он к руководительнице «Северного вестника». — Я понимаю, что есть авторы, которых я и сам не сочту себя в праве изменять. Но вместе с тем большинство рукописей, вероятно, будет вроде этой: неумелый наивный рассказ, где недостаток один из главных — неопределенность и бледность рисунка, неполнота, недосказанность. В таких рассказах (которые, безусловно, должны быть отвергнуты в их настоящем виде) некоторые урезки, добавления двух трех черточек, где понадобятся, наконец изменения, не искажающие смысла, — являются неизбежным условием приема».[96]

Неизвестно, что ответила писателю А. М. Евреинова, но необходимую переделку рукописи он произвел. «Я положил немало труда на переделку, — писал Короленко, — и, кажется, выйдет довольно интересно».[97]

Короленко не пытался искать универсальное решение, пригодное для всех случаев редакционной практики. Прежде всего он разграничил вопрос об отношении к произведениям бывалых писателей и неумелых начинающих авторов. Если в творческую работу первых он допускал лишь самое умеренное и осторожное вмешательство редактора, то по отношению ко вторым таких строгих ограничений не делал. Ему самому часто приходилось вносить существенные исправления в принятые рукописи малоопытных литераторов. О рассказе Н. М. Белавина «Лишние гости на пиру жизни» («Найденка») он записал в редакторской книге: «Довольно сильно, хотя беспоряд[очно] и неумело. . .» Через некоторое время добавил: «Напечатано в 1901 г. с сильными редакц[ионными] переделками».[98] Сходную оценку дает он рассказу М. Кисина «В гимназии» и лаконично сообщает: «Я радикально переделал и дополнил».[99]

Однако значительную переработку текста он обычно производил лишь в тех случаях, когда на это соглашался сам автор рукописи. Только крайне неблагоприятные обстоятельства иногда заставляли его отступать от этого правила. Так было с первоначальной редакцией повести С. П. Подъячева «Жизнь и смерть». В явно недоработанном виде рукопись принял П. Ф. Якубович. «Я бы ни за что не принял», — отозвался Короленко. После смерти соредактора в 1911 г. Короленко пришлось без помощи автора доводить рукопись до состояния, пригодного к опубликованию. Писатель сообщает в редакторской книге: «Тема Достоевского — исполнение совершенно деревянное. . . Приходится почти сплошь дополнять и переделывать».[100]

Чаще всего необходимость в несогласованных переделках возникала в тех случаях, когда автор находился далеко и связь с ним была затруднена, а журнальная работа не оставляла времени для длительной переписки и неторопливого редактирования «на расстоянии». Только в таких исключительных условиях писатель находил возможным самостоятельно исправлять рукопись. При этом он считал своим долгом как можно более тщательно мотивировать необходимость каждого вносимого в текст изменения.

Несмотря на эпизодичность, подобная практика заметно осложняла редакторскую работу писателя. Осенью 1887 г. А. М. Евреинова приняла для «Северного вестника» большой роман о жизни русской провинции «Три течения» забытой ныне писательницы А. С. Шабельской. Короленко, на долю которого выпала подготовка рукописи к публикации, нашел, что в произведении много правды и таланта, но оно еще требует серьезного вмешательства редактора и значительной творческой работы автора. Главный порок рукописи писатель видел в крайней небрежности изложения. «Иногда целые страницы тянутся вяло, в каком-то удивительно неинтересном бормотании, в передаче разговоров, отличающихся почти детской наивностью тона».[101] Слог просто ужасный, приходит к заключению Короленко. И вместе с тем в рукописи мелькали то меткое суждение, то выразительный образ или яркая бытовая сцена. Короленко склонился к выводу, что было бы жаль потерять для журнала неплохой по замыслу роман, но

[95] Письма В. Г. Короленко к А. М. Евреиновой. Указ публик., стр. 65.
[96] Там же. стр. 65—66.
[97] Там же, стр. 72.

[98] В. Г. Короленко. Редакторская книга I. 1900—1902 гг., л. 56.
[99] В. Г. Короленко. Редакторская книга V. 1910—1912 гг., л. 91.
[100] Там же, л. 73.
[101] В. Г. Короленко. Полн. посмерт. собр. соч., т. L, стр. 198.

можность выполнять поистине необозримое количество работы».[4]

Не меньше внимания, чем организации творческого процесса, Короленко уделял содержанию редакторской работы. В течение многих лет он выступал против стихийности, произвола и субъективизма в издательской практике. Эстетические принципы, связанные с традициями революционно-демократической критики, которыми он руководствовался, исключительно богатый собственный литературный опыт и прогрессивная общественная позиция давали ему возможность успешно решать самые сложные и противоречивые задачи при оценке и правке рукописей. Высокая творческая взыскательность всегда сочеталась у него с бережным отношением к особенностям литературного замысла и стиля автора.

Методы работы писателя над рукописями и советы по воспитанию молодых авторов не потеряли своего значения до наших дней. Все это делает наследие Короленко-редактора важным не только для решения литературоведческих задач, но и практически ценным для советских издательских работников.

---

[4] А. Дерман. Воспоминания о В. Г. Короленко. «Новый мир», 1958, № 7, стр. 253.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И НАЗВАНИЙ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Летов Борис Дмитриевич

В. Г. Короленко — редактор

Редактор *Г. А. Щербакова*

Художественный редактор *А. Г. Малахов*

Техн. редактор *Е. Г. Жукова*

Корректоры *А. М. Сурпина*
и *Р. П. Волкова*

Сдано в набор 21 VII 1961 г. М-06282.
Подписано к печати 6 X 1961 г.
Уч.-изд. л. 13,72. Печ. л. 13,62. Бум. л. 6,81.
Формат бум. $60 \times 92^1/_{16}$.
Тираж 2150 экз. Заказ 630.

Типография ЛОЛГУ. Ленинград,
Университетская наб., 7/9.

одну и ту же психологическую коллизию. «Нужно избегать останавливать долго читателя на мелких деталях того, что он уже знает и что он, пожалуй, даже опередил воображением»,[26] — писал Короленко. Настойчивое обращение Райковской к хорошо уже знакомому читателям мотиву могло только утомить и расхолодить их, «потому что слух притупляется к одной ноте». Правильное творческое решение, как предполагал Короленко, состояло в том, «чтобы раз данный мотив целиком по возможности не повторялся: пусть он звучит так, как струна, когда нажата педаль: она напоминает о себе и оставляет фон, на котором уже звенят другие, новые ноты».[27] При таком решении становилось излишним натуралистическое копирование одних и тех же, особо важных для автора, душевных движений действующих лиц.

В соответствии с принципами революционно-демократической эстетики художественную полноту образа Короленко определял не по обилию психологических деталей, а по их меткости и выразительности. В рецензии на сочинения Натаниэля Готорна Чернышевский писал: «На пяти или десяти страницах описать лицо так, чтобы можно было знать все его приметы, — это сумеет сделать самый бездарный прозаик. Нет, вы художник только тогда, когда вам нужно всего пять строк, чтобы возбудить в воображении читателя такое же полное представление о предмете».[28] Концентрированность художественного изображения — важнейшее творческое требование, которого всегда придерживался и Короленко. «Особенность художественного дарования — несколько черточек делают человека живым»,[29] — писал он Т. Н. Галапуре. Такими свойствами в высокой степени обладали его собственные произведения.

Стремление автора подчеркнуть наиболее существенные качества героя приобретает порой оттенок явного их преувеличения. В развитии образа в таком случае начинают проявляться признаки романтической гиперболизации, натуралистического снижения или сатирического гротеска.

Вопрос о пределах художественно допустимых преувеличений Короленко избегал решать шаблонно. Он учитывал своеобразие творческого замысла автора и свойства избранного им жанра. От внимания писателя не ускользало возможное в таком случае противоречие между установившимся строем повествования и выпадающим из общего плана под-

[26] В. Г. Короленко. Полн. посмерт. собр. соч., т. LI, стр. 82.
[27] Там же.
[28] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. в 15-ти т. Т. 7. М., Гослитиздат, 1950, стр. 452.
[29] В. Г. Короленко. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 10, стр. 563.

черкнутым изображением тех или иных действующих лиц. В эпических бытоописательных произведениях неумеренная романтическая гиперболизация мыслей, чувств и стремлений героев нередко снижает жизненную убедительность текста в целом. Негативная натуралистическая трактовка или сатирический гротеск иногда нарушают взволнованно лирический тон повествования, могут помешать автору глубже заглянуть в душевный мир выведенных им персонажей. «Ирония, сарказм, даже негодование — все это орудия законные, — писал Короленко Горькому, — но все это должно бить в определенное место и не расплываться слишком широко».[30] Короленко решал вопрос в соответствии с принципами, выработанными революционно-демократической критикой. М. Е. Салтыков-Щедрин высказывал мысль, что от «преувеличений должно предостеречь писателя то чувство меры, то критическое отношение к жизненному материалу, в которых собственно и заключается мерило истинной силы художника».[31] В зависимости от того, впадет ли художник в преувеличения или откажется от них, будет зависеть конечный результат его труда. «В первом случае, — по словам Щедрина, — произведение будет менее совершенно, во втором — более».[32]

Взгляд Короленко на зависимость трактовки образов героев от жанровых особенностей произведения отчетливо выявился при редактировании им рукописи В. И. Дмитриевой «Муть». Это была обширная повесть «из самой современной жизни».[33] «Приступаю к обозрению сего левиафана...»,[34] — сообщил Короленко Горнфельду в марте 1913 г. Дмитриева создала в романе ряд колоритных сцен, отразивших разложение и упадок русского провинциального дворянства накануне первой мировой войны. «Недурные бытовые сценки», — отметил писатель в редакторской книге. Весь бытовой материал «Мути» был сосредоточен вокруг главного действующего лица повести студента-технолога Васи Ступицына, приехавшего на лето в запущенное имение отца. Встречи юного студента с представителями губернской «знати» и томящимися от скуки и безделья обывателями захолустного городка Песчанска, грустно-иронические наблюдения над нравами членов собственной семьи, лирические отношения с суровой молодой учительницей из соседнего села и ее другом докто-

[30] А. М. Горький и В. Г. Короленко. Переписка, статьи, высказывания, стр. 39.
[31] М. Е. Салтыков-Щедрин. О литературе и искусстве. М., «Искусство», 1953, стр. 207.
[32] Там же.
[33] В. Г. Короленко. Редакторская книга VI. 1912—1921 гг., л. 34 об.
[34] Письма В. Г. Короленко к А. Г. Горнфельду, стр. 89.

ГЛАВА VII

ИЗЛОЖЕНИЕ И СТИЛЬ

Короленко в высокой степени было свойственно мастерство творческого проникновения в авторский замысел, умение видеть в нем скрытые возможности, недостаточно полно реализованные в рукописи. Из-за расплывчатых контуров иногда очень слабого произведения ему отчетливо рисовалось иное, более совершенное решение. Эту важную особенность работы Короленко с авторами отмечали многие его современники. Член редакционной коллегии журнала А. Б. Петрищев писал в своих воспоминаниях: «На основании того, что он говорил о каком-нибудь чужом рассказце, иногда можно было судить, как интересно, как значительно написал бы на данную чужую тему сам Короленко».[1]

Творческие советы авторам, указания на то, как лучше строить и вести повествование, Короленко считал основной формой редакторской работы. Но он не оставлял без внимания и более узкие вопросы, связанные с непосредственной правкой рукописей. Обычно ему приходилось исправлять изложение и устранять явные смысловые и стилистические погрешности текста. По наблюдениям Короленко, особенно пагубно отражалась на повествовании растянутость изложения. В 1901—1903 гг. Короленко вел переписку с литератором А. К. Семеновым, выступавшим в печати под псевдонимом С. Гольдебаев. Человек несомненно литературно одаренный, Гольдебаев был маловзыскателен в творческом отношении. Вместо тщательной работы над рукописями он требовал, вспоминал Короленко, «чтобы я занялся им и исправлением его

[1] А. Б. Петрищев. Мысли о нем. В сб.: «Памяти В. Г. Короленко». М., изд. «Задруга», 1922, стр. 80.

рукописей, как некогда Горьким».[2] Многочисленные и разнообразные по жанрам произведения этого автора обладали одним общим свойством — тягучестью изложения. По поводу романа Гольдебаева «На болотных кочках» писатель дал следующий отзыв: «Недурно задумано: Телеграфист на мелкой станции страдает одиночеством и неразделенными умств[енными] стремлениями... Длинно — чудовищно... Есть какие-то проблески, но это тонет в страшном пустословии».[3] Таков же был и рассказ Л. Рехнева «Узник» на тему Достоевского о бедном человеке. «Могло бы что-ниб[удь] выйти, — отметил Короленко,— если бы не невыносимое многословие (слов потрачено по крайней мере в пятнадцать раз больше, чем требовал сюжет)».[4]

Растянутостью изложения страдала большая часть рукописей, поступавших на редактуру Короленко, но не в таких гиперболических масштабах, как произведения Гольдебаева и Рехнева, и писатель находил возможным в некоторых случаях самостоятельно производить необходимые сокращения. «Теперь особенно требуют от художника сжатости, краткости, выразительности, которая состоит в том, чтобы идти прямо к делу, говорить то, что относится к теме»,[5] — писал он И. Горячеву.

В процессе правки рукописей Короленко прибегал к самым разнообразным сокращениям. В письме к Д. Н. Овсянико-Куликовскому в декабре 1910 г. писатель отмечал, что он «большой сторонник сокращений».[6] О том же значительно ранее он писал и С. Н. Миловскому-Елеонскому: «Я, когда оглядываю свою законченную работу, всегда думаю: „а что тут без особенного ущерба можно выкинуть". И никогда еще не раскаивался и не жалел о сокращениях».[7] Этого же правила писатель придерживался и в своей редакционной практике. Он категорически утверждал, что «сокращать надо все, что поддается сокращению, без ущерба для главного, основного мотива».[8]

Прежде всего Короленко устранял рассуждения и мотивы, затемняющие мысль автора, способные исказить идейную направленность текста. Подобную правку произвел он в биографической хронике А. А. Андреевского «Записки фабричного». В первых главах шла речь о детских годах героя повести Ти-

[2] В. Г. Короленко. Редакторская книга II. 1903—1904 гг., л. 8.
[3] В. Г. Короленко. Редакторская книга I. 1900—1902 гг., л. 188.
[4] В. Г. Короленко. Редакторская книга II. 1903—1904 гг., л. 88 об.
[5] В. Г. Короленко. О литературе, стр. 574.
[6] В. Г. Короленко. Письма. 1888—1921, стр. 109.
[7] В. Г. Короленко. Избранные письма, т. III, стр. 75.
[8] Там же.